

Илья Либман

**Мелочи
о
Мелочи**

12+

Илья Либман

Мелочи о мелочи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34353310

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта аллегорическая история, полусказка-полуправда о молодой современной женщине из Питера, ее мечтах и стремлениях, ее знакомых и друзьях. В поисках ласки, заботы и любви ей приходилось сталкиваться с различными характерами и ситуациями. Эта книга может быть интересна не только людям, все еще находящимся в подобных поисках, но и тем, которые уже осуществили свои мечты или... готовы вот-вот отказаться от них. Для дизайна обложки была использована фотография автора.

Содержание

Введения в обстоятельства	5
Гертруда	16
В «Поединке»	21
Ларош Пуко	25
Герман	32
Георгий	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мелочи о Мелочи

Введения в обстоятельства

Малая Кроха относилась к тому подотряду крох, которые называли себя в своих кругах и квадратах мелкими, а за чашкой чая, так и просто мелочью. Но в большой жизни они принимали самое живое участие, потому что их было не так-то уж много, и тем, которые крупнее, они были очень нужны. Потому что многие из них были очень щзаняты совсем не мелкими делишками, а скорее крупными делами, они двигались очень быстро, чтобы повсюду успеть, можно даже сказать, что они почти не ходили, а все больше бегали. Может быть поэтому их никогда не называли проходимками, а только пробегалками.

Наша Кроха, скажу без похвальбы, хоть и была отъявленной мелочью, но дела свои знала туго и спуску не давала ни крупным, ни средним. При этом она никогда не была нападающей, а только защищающейся, но вовсе не других, а только себя. Бывало, сидит Кроха наша в ванночке, щечки румяные, ноженьки вытянуты и песенку про французские пузырьки поет, которые от шампуня получаются. А французские-то шарики – не ровень нашим: они почти и не лопаются, а все летают и летают, снизу вверх да снизу вверх. У Крохи и игра про это была под названием то ли «мокрое дело» то ли «мокрое тело» – не помню уже. Но суть игры помню хорошо: надо было приложить к крошечным ладошкам, уже отмы-

тым даже от крошечной грязи, шампуневые пузырьки: к правой ладошке – малинового цвета, а к левой – голубого. Как только цвета будут правильными, так Мелочь наша розовой птичкой к потолку несется. У потолка пузырьки лопнут, и Кроха наша в свою ванночку бул-тых. Но не часто Крохе удавалось такое веселье: то шампунь не слишком французский и правильных пузырьков не дает, то устанет Кроха за день пробежек так сильно, что может только сильно плескаться и никаких игр. Еще у мелочи нашей был маленький телефончик, да такой славный и незаметный, что много раз его теряли и садились на него, но он-молодец всегда находился, был по возможности подзаряжен и пах не как другие, а как крошечные ладошки и крошечные ушки. Без него Кроха не могла и минуты пробыть – все время ее звонками одолевали то средние, а то и большие. И чтобы не расставаться со своим серебряным дружкой забежала Кроха в магазин «1000 мелочей для мелочей» и прямо на бегу купила присоску телефонную облегченного образца за умеренные деньги. Телефончик конечно был рад обновке и постоянной близостью с самой Крохой: он был присосан на специальную подушечку, которую говорильщики носят на руке вместо часов, которых они все равно не замечают и живут безвременно вечно. Так вот этот самый телефончик был не по годам и не по росту умен, мог делать разные вещи, которыми Кроха то и пользоваться не могла, но все равно гордилась им и другим его нахваливала.

Кроха наша жила сравнительно неплохо, несмотря на свои немалые запросы: у нее были платьишки и с воротничками и без, туфельки и с каблучками и без и костюмчики с пиджачками и без. И кое-что еще, по мелочам, чего не перечислить – всего несколько маленьких шкафов. Вещи свои она любила не только носить, но и рассматривать – встанет бывало перед зеркалом и налюбоваться на себя в своих одеждах не может, а потом ей вдруг покажется, что эта вещь хоть и бесконечно приятна взгляду, но в то место, куда она бежать собиралась, не подойдет. Поменяет она ту вещь на другую и опять на нее в зеркале любит. Иногда случалось, что из-за красоты своих одежд и себя в них, приходилось мелкой бежать быстрее обычного, чтобы хоть куда-нибудь успеть.

Умна была Кроха не по годам: другая Мелочь ее возраста все еще хороводы водила, за руки взявшись, чтобы не погибнуть им, ей богу, а наша мелкота выучила себя сначала одному, потом совершенно другому и поняла, что обучение для нее легко и приятно как для бабочки-капустницы полет июньским днем. Училась бы она и дальше, но захотелось ей еще чего-нибудь в жизни испытать-попробовать. Первое, что ей пришло в голову – написать несколько неинтересных книжек о том как надо... Написала она эти книги. Они, конечно, никому особо понравиться не могли, потому что в них было мало интересного, если читать для удовольствия. Зато по ним можно было учиться тому, как надо... И решила Кроха тогда, что эта работа как раз и может ей быть подходящей –

помогать другим стать... или даже получить степень чего-то второстепенного.

Так она жила себе да работала, людей в степени возводила. От этого стала еще умней и другие жизни стала замечать по жизни. Но об этом потом.

Сидела она как-то с хорошей книгой на своих прелестных точеных коленках, но не читала ее, а задумалась о природе вещей, но не в своих мелких шкафах, а вообще. И подумала она, что в жизни очень важно быть чьей-то. У нее, конечно, была и своя фамилия на букву Ш. Но эта фамилия к ней пришла сразу от рождения, и это не считалось. Нужно было найти человека с другой фамилией, чтобы он захотел ее, Кроху нашу, сделать своей, отдать ей все, что у него там было, но любовь, нежность и заботу – в первую очередь. Подошла Кроха к зеркалу и в тот раз, хотя одежды на ней и вообще не было, и подумала, на себя глядя, что я так хороша, что множество людей хотели бы сделать меня своей или по-правильному – их. Улыбнулась она своему зеркальному отражению, почесала след от резинки на животике и пошла в ванночку – играть с французскими пузырьками. А мысль стать чьей-то – прямо вместе с ней в ванночку и смываться с дневной грязью и не собиралась.

У Крохиных родителей

У Крохи, конечно же, были родители. Назывались они папаня и маманя. Они были не большие и не средние – они были полусредние. Кроха иногда к ним забегала, чтобы клею

понюхать или вкусенького поесть. А иногда бывала двойная удача: и запах клея и вкусенькое в один день. Но чаще все же случалось, что пробежала Мелочь мимо родительского дома и видела только свет в окнах, да тень от папани на потолке в гостиной, а от мамани – на занавесках в кухне. Увидит она родные ей тени, обрадуется и дальше мчится.

Вот однажды она как всегда проносилась возле родительского дома, но что-то остановило бег Мелочи. Кроха быстро открутила мысли назад и сделала стоп-кадр, пока замаячили тени. Кроха удивилась – теней было три. Может быть, другая мелкота плюнула бы слюной и понеслась бы дальше, но наша была не такой. Она пришла к родительской квартире и подставила ухо к замочной скважине: в квартире выстрелов слышно не было и шума от грабежа тоже. Кроха позвонила в маленький звончок, который играл мелодию из Шербургских зонтиков – ну вы понимаете какую, и двери отворила маманя. Крохе не терпелось узнать – откуда третья тень, и она помчалась в гостиную. На середине комнаты спиной к дверям стоял здоровенный милиционер с поднятыми руками. Он держал ими несколько кусков дерева, которые должны были вот-вот склеиться вместе. Крохин папаня лежал на полу и держал нижние концы тех же кусков дерева. Они разговаривали на мужские темы – про зимние колеса для мотоциклов Урал. Кроха сразу смекнула, что на милиционере неправильная фуражка и погоны вовсе как у швейцаров в богатых домах на Чернышевского.

«Вот знакомься, Модест Ильич, моя дочка, про которую я тебе рассказывал» – сказал папаня. Модест Ильич повернул свою голову к дверям и сказал: «Модест Ильич, здравия желаем». И шелкнул каблуками как в танце чардаш. Кроха сказала, что ей очень приятно. Ей и действительно было очень приятно, но не знакомство, а запах клея. Про себя она решила, что ни за что на свете не будет его называть по имени-отчеству – у нее просто нет для этого времени, а решила называть его Моди и при случае спросить, не рисует ли он больше своих шоколадниц. Тем временем клей вроде бы схватился, мужчины прекратили разговор о зимних колесах и стали оттирать руки от дерева. У Моди это не очень получалось, так что папане пришлось побрызгать их немного растворителем. Этот запах Крохе не нравился совсем. Когда с отрыванием рук было закончено, Моди повернулся к Мелочи всем телом. На нем была не просто фуражка, а с маленьким блестящим козырьком как у донского казака. Из-под козырька торчал угольно-черный чуб.

Кроха увидела его доброе большое лицо и злой вороненый чуб и сказала себе, что явное несоответствие в Моди. Моди тем временем решил утереть пот со лба, он снял фуражку с приклеенным к ее козырьку чубом. Под фуражкой была большая лысая голова.

Мелочь вообще-то любила игры с переодеванием – этот Моди ей был интересен. Она решила сделать ему комплимент и сказала:” теперь немногие так одеваются, как вам это

удаётся, ведь у вас на погонах ничего нет кроме пуговиц.” Моди комплимент принял и еще раз щелкнул каблуками как в танце чардаш, потом отвечал, что он работает в отделении милиции, которое рядом с булочной, в качестве хранителя складов утерянных и найденных вещей, вещественных доказательств и боеприпасов. Для простоты и облегчения своей работы он установил одинаковый замок на все три двери, тем более, что они все находятся одна за другой. Пару недель назад где-то сгорел театр, и ему пришлось в аварийном порядке поехать к месту происшествия и забрать все вещественные доказательства пожара. Потом ему сказали, что расследование о поджоге вести не будут, потому что было самовозгорание, но вещественные доказательства велели никуда не девать, а оставить или для возобновления дела или для костюмированных представлений перед шефами. А он просто пользуется такой льготой и иногда в неслужебное время одевается молодым баронетом или корсаром, а если хочет клетчатое, то американским миллионером. Кроха ему позавидовала на минуту, он это сразу заметил и сказал: «Если хотите, мы можем зайти – ключи у меня с собой, там есть отличный нарядик Шахиризадки с монетками и шелковыми шароварами, как раз ваш размерчик».

В комнату вошла вся в кулинарном жару маманя и пригласила всех на кухню, есть вкусненькое. Папаня выглядел очень недовольным – он только пристроился у телевизора с наждачной бумагой и очередной заготовкой для будущего

белого медведя – посмотреть спокойно «Поле чудес». Надо объяснить, что с тех пор как Мелочь помнила себя, то есть с момента запаха, папаня всегда мастерил белых медведей из дерева. Для этого ему и приходилось много клеить, чтобы достигнуть правильной толщины. Медведи получались славные. Их всем и всегда дарили. Когда дома места не осталось для их хранения, он стал возить их к своей мамане как напоминание, что он о ней помнит и заботится. Папанина маманя подаркам сына и вниманию была очень рада, однако просила каждый раз, чтобы он больше их ей никогда не возил, потому что у нее уходит уйма времени на вытирание пыли с этих медведей. Тогда папаня задумал хитрость – построить баню на даче и украсить ее медведями.

Модест Ильич после вкусенького для чая не остался, а поспешил в отделение для вечерней выдачи боеприпасов. Кроха заторопилась тоже, но все-таки ей пришлось немного задержаться для мытья посуды, полов, стирки постельного белья и вытирания пыли из недосягаемых маманей и папаней щелей – она-то была мелочь, а они-то полусредние. Из всего перечисленного Кроха любила только мыть полы. Ей нравилось сгибаться в немыслимые позы, когда кровь ухает в висках как бухенвальдский набат – хорошо думалось о жизни. Она называла это игрой «чистая идея». Мысль о покупке музея-квартиры на Мойке французского бунтаря и репатрианта Ларошпуко пришла к ней как раз во время мытья полов. Но об этом потом.

Когда со всем этим было покончено, мы имеем в виду с различными уборками, и не выключенный телевизор показывал какие-то белые искры и похрипывал, Мелочь отволокла маманю и папаню спать.

По дороге домой на лестнице она встретила соседа из 67 квартиры. Они подмигнули друг другу, и каждый пошел по своим делам. Той же ночью в своей ванночке Мелочь вспомнила, как много лет назад она познакомилась с тем соседом в травматологическом пункте, в очереди. Кроху тогда лизнула собака, но все почему-то подумали, что это был укус, и собака могла быть бешеной. Так что ее пришлось вести делать уколы от собачьего бешенства. А сосед из 67 сидел со своей бабушкой там в очереди и был без головы. То есть голова у него, конечно, была, но она в то время плотно находилась под 4-хлитровой алюминиевой кастрюлей с отломанными ручками и повязана оренбургским пуховым платком, потому что на дворе стояла лютая зима. Они даже немного поговорили, вернее говорил сосед, а Мелочь слушала и соглашалась. Позже, в тот же день, когда кастрюлю спилили, у них началась дружба. Соседа звали Анисим – в честь девичьей фамилии его мамани. Он был особенным мальчиком и ходил в особую школу. Когда их дружба завязалась, Анисим регулярно приглашал Кроху на игру под названием «многочтения». В те годы Мелочь еще не ведала, ни про какие игры кроме кубиков и фруктового домино. Правила игры были очень простые: играть надо было лежа, на полу по кругу

стояло несколько книг, открытых на любой странице. Каждому игроку нужно было лечь за книгу, сколько-то ее почитать, потом лечь – за другую. И так далее – пока все книги не будут рочитаны, а потом каждый должен был рассказать «всекнижную историю». Крохе игра пришлось по сердцу – она пыталась научить играть в нее свою старшую сестру на своем полу, но та была увлечена все время блеском и нищетою куртизанок Парижа и мечтала двинуть во Францию.

Так вот «многочтения» происходили до питья молока с гренками, чтобы никто не срыгнул во время игры. Бабушка Анисимова стояла около дверей в белом в горошинку платочке для «после бани», пожевывала беззубыми губами невидимую пищу и утирала глаукомную старческую слезку уголком того платка.

Маманя Анисимова всегда была в гостях, а отец – на войнах.

Прошли годы, и Анисим исчез. Мелочи было сказано, что он уехал «на практику», и его долго еще не будет. Прошли другие годы, и Анисим появился. Его трудно было узнать, так он был строен и красив. Они задружили снова. Он научил Кроху новой игре «флот для шпрот». Играть надо было так: на большое блюдо вываливалось картофельное пюре, из которого лепился военный корабль со множеством пушек – шпрот. Масло из банок разливалось водой вокруг. Играющим выдавалась ложка. Нужно было есть корабль вместе с пушками. После игры обе команды лежали. Это был долго-

жданый момент для Мелочи. Она любила лежать рядом с Анисимом и трогать его тяжелые русые волосы.

К тому времени в его жизни произошли большие изменения – бабушка была в постоянной болдинской ссылке, отец-генерал был захвачен в плен на одной из своих войн и теперь просто присылал поздравительные открытки и фотки с различными женщинами из разных стран заключений, а мать так и осталась жить в гостях безвылазно.

Анисим тяжело переживал пленение отца – как знак траура и непроходимой скорби он обрезал до колена его парадные брюки с золотыми лампасами и носил их, не снимая. Однажды после игры «флот для шпрот», когда они хорошо с Крохой лежали, Мелочь сказал ему: «Давай жить вместе в 67», на что Анисим ответил: «Я – Анисим – независим». С тех пор они только подмигивали друг другу на лестнице.

Гертруда

Сидела Кроха после ванночки в своем тюрбанчике на голове – волосы сушила да думку думала, как же ей стать чьей-то. Раньше в ее жизни были интересные встречи и с мелочью, и со средними, и даже с большими, не по работе, а по другим их интересам. Многие ей обещали, что и ей будет интересно, чтобы она потерпела. Она и терпела несколько раз, но интересно все равно не становилось, скорее даже скучнее, чем в начале. И к таким встречам она теперь испытывала что-то вроде аллергии и предчувствовала это заранее. Бывало, звонит какой-нибудь средний в серебряный ее телефончик и средним своим голоском щебечет ей, что будет очень интересно. Но дальше разговоров и шоколадных пирожных «зимний лес» интерес как-то не двигался.

Была у мелкой подруга по имени Гертруда. Была она из не мелких, но как-то не соответствовала вообще ничему. Кроха с ней познакомилась при странных обстоятельствах, которых сама давно не помнила. Когда-то они были соседками, но наша Мелочь начала кое-что делать по-крупному и переехала жить в другое место.

Та Гертруда думала, что она выходка из Германии, но Мелочь сказала ей, что никакая она не выходка, а имя ее придумано больными крупными много лет назад и обозначало «герой труда». Просто сократили для звучания. Мелочь ска-

зала подруге, что та живет не свою жизнь, потому что носит не свое имя. Гертруда уже не работала много лет. Говорила, что слаба для любых видов работ, что ей лучше быть дома или с мужчинами. Когда она бывала с мужчинами – основная ее болезнь отступала, но наваливалось много других. Была Гертруда очень словоохотлива и за разговорами могла выпить ведра чаю или даже портвейну – смотря чего предлагали к столу. Наша Мелочь, бывало, все переделает по 2 раза в доме. А Гертруда не унимается со своими разговорами.

Были у Крохи и другие друзья, не слишком близкие. Некогда было Крохе дружбу дружить – кто тогда людей в степень возводить станет.

Была и она однажды чьей-то, но в ту пору ее это так еще не заботило. И тот, чьей она была, и вовсе этого не понимал. Но вот в последнее время это новое чувство нечейности беспокоило ее немало. Как-то за безразмерным чаем она обмолвилась об этом Гертруде, на что та сказала, что на Владимирском рынке полно достойных мужчин с черными глазами и золотыми зубами, что они торгуют сладкими орехами засунутыми в кислую кашу и сделают ее своей очень быстро. Мелочь задумалась: они могут сделать меня своей, но дадут ли они мне все, что у них есть, плюс любовь, ласку и заботу в первую очередь. Гертруда только посмеялась над ней за это и сказала, что на Владимирском рынке золотозубые хоть богаты и красивы – любви, ласки и заботы не могут дать. Это она знает точно. Может стоит поискать эти качества в других

местах. Но каких – она и сама не знала. Ей было это не так важно – у нее была болезнь, которая отнимала много времени и сил.

Любила Мелочь быть проинформированной, и за этим могла ходить в совсем неожиданные места, например в компьютерные дебри, где никто никого не знает, но все бесконечные друзья. Ей это было интересно: как будто сидишь в большой пустой и темной бочке, от которой пахнет старым вкусным вином. И другие сидят где-то совсем рядом, но их даже и не видно, но зато слышно очень хорошо. Это и есть бесконечные друзья. Один бесконечный объяснил ей про пустую бочку чрезвычайных размеров, что через бочечную кривизну и происходит бесконечная дружба. Крошка спросила про ласку, любовь и заботу. Бесконечный сказал, что возможности бочки бесконечны и неопределенны, как и ее кривизна и посоветовал мелочи объявиться верной подругой с вытекающими последствиями. Кроха так и сделала – себя всю заострила, развеселила, губки подвела, позы приняла, и побежали по тысячам каналов в разные концы бездонной бочки со сладким запахом новости про нашу Мелочь верную с перспективой.

Кроха по натуре своей была не только добра и красива, умна и учтива, но и впечатлительна. И когда ей стали приходить ответы и вопросы, приветы и запросы, она тому порадоваться не успевала и находилась в состоянии ошаления и экзальтации какое-то время. Потом умом поняла своим не

мелким, что это может быть просто другая разновидность по поводу интересных встреч, но уже без пирожных «зимний лес», потому что многие жили в недосыгаемой дали. И ни–какая крутизна бочки приблизить физически их не могла, да они не слишком и сами стремились. Так просто и хотели оставаться бесконечными бочечными друзьями. Было правда одно исключение, мы знаем, отозвался необычным голосом он, поискатель сам-не-знает-чего из далекого неоткуда. Писал ей много незнакомых, но приятных мелочевым глазам и ушам выражений – обворожений, так что Кроха на него решила хоть одним глазком да глянуть. А сама себе думала, что живым его увидеть, навряд ли, придется – больно издалека он сигналы свои сильные слал. Назвала она его Мальком, потому что из-за дальности был он едва виден и контактировала с ним как фронт со ставкой – по часовому расписанию. Познались они на расстоянии, но Мальку того расстояния мало показалось, и он решил навестить мелкую и усладить обеих непосредственной близостью.

Кроха наша в такое поверить уже и не могла, да еще и не хотела, потому что это был большой отрыв от расписания продуманной жизни и грозил бы срывом своевременного возведения в степень многих крупных, которые в жизни своей ничего ждать не могли вплоть до истерики в публичных местах. Сидела как-то мелкая в банке на мяконецкой тряпице розовым задиком, задумчиво дубасила Гертруду по худющей спине и мыслила вслух под запах березовых розг

о Мальковом заезде на предмет услады к ней в гости. Гертруда такому поверить не могла сама и мелкую отговаривала, плача от целебных крохиных побоев. Сидели они потом в предбаннике, пили липовый чай из трехлитрового китайского термоса еще очень долго.

Сидит бывало Кроха в перерывах от работы и смотрит в свой бочечный экранчик, а там целые страницы незнакомых лиц с фот на нее смотрят и как будто даже руки к ней тянут, хотя рук на фотах было не видно. Но Кроха прозорливой была – ей только лицо покажи, а все остальное она моментально в головушке своей достроит вплоть до переломов и родимых пятен – такой дар был ей дан с недавнего времени. Но она не слишком этим даром пользовалась – многие уродцами были не только физическими, но и моральными. Зачем на них время драгоценное тратить.

В «Поединке»

Однажды Кроха с Гертрудой были в ресторане. Они иногда делали это, чтобы проверить много вещей, в заодно и не мыть посуду после еды. Так в тот раз они были то ли в «Погребке», то ли в «Лестнице» – нет, пожалуй, они были в «Поединке». Кроха любила это место за ожидание. Там всегда было много народа, но ожидание для них было не менее приятным, чем само посещение. Это место основал очень крупный детский психолог, который теперь живет в далекой Германии и занимается тем, что открывает популярные рестораны. Открою вам маленький секрет: как только вы входите в «Поединок», вам выдают 15 грецких орехов, защитные очки как для холодной обработки стали и чугунный утюжок. Пока люди ожидают освободившиеся места, они колют орехи, угощаются сами и угощают других, знакомятся на грецкой почве и не слишком торопятся сесть за столы, потому что крушить орехи маленькими утюжками и другими подручными и подножными средствами было много интересней, чем есть каких-то цесарок или трюфели. Кроха любила крушить орехи оригинальным способом под названием «пощечина». Она находила этот способ наиболее экономичным как по расходу энергии, так и по уменьшению ореховой плоти, идущей в отходы. Способ этот был ею открыт совершенно случайно, как и многое в науке и технике. Она рассказыва-

ла Гертруде, как вlepила пощечину одному крупному, когда тот загнал кабину лифта с собой и Крохой внутри в неуправляемую зону здания и там встал на колени и умялял Кроху не оставлять его одного и побыть с ним. Крохе такие притязания показались неуместными и беспочвенными, и она дала ему пощечину, от которой лифт тронулся, они благополучно добрались до первого этажа и расстались большими друзьями. С тех пор Мелочь поняла, что пощечина может приносить многократную пользу, смотря как бить. В ресторане «Поединок» она научилась колоть орехи таким способом – она клала орешек в ладонку лодочкой и трахала им по гладкой поверхности утюжка. Орешек кололся, но полностью оставался в Крохиной ладонке, а не разлетался сумасшедшей шрапнелью в направлении очков для холодной обработки стали. Благодаря этому способу колки Кроха познакомилась со многими приятными и полезными людьми, которые с уважением относились к Мелочевой оригинальности взгляда на вещи и приглашали ее к себе в гости, чтобы познакомить еще и с другими. Гертруда обычно увязывалась за ней, объясняя свое присутствие как неотрывную часть Крохиной оригинальности и самобытности. Да от нее и не было большого вреда то, не считая валенок, к которым многие уже все равно привыкли. Они сидели в ожидании, крушили грецкие орехи и разговаривали о морских путешествиях, в которых еще никогда не бывали. Гертруда как всегда жаловалась на бортовую качку, и что в ее каюте окно находится

ниже уровня моря и поэтому она вместо обещанных безграничных горизонтов видит только мутную воду с отходами от человеческой цивилизации и головы полоумных отравленных рыб. У Мелочи было совершенно другое видение. Она бы спускалась в свою милую каютку только для того, чтобы поменять шляпки, зонтики и носочки, а все остальное время она бы была на капитанском мостике, среди морских волков и волчиц в белоснежных кителях, передавала бы подзорную трубу справа налево и слева направо или помогала отбивать склянки к дневному чаепитию. Как это случилось в жизни позже – Мелочь все-таки отправилась в такое путешествие, думаю, что благодаря своему позитивному взгляду на морские медленные воды, а Гуртруда должна была остаться на берегу Васильевского острова и печально махать ей в след снятым с тела розовым ливчиком. Но все это случилось много позже, а в тот раз они только обсуждали цены и наряды. Гертруда, правда, отвлекалась на соседские столики, выжидала, когда женщины выходили попудрить носы или еще за чем-либо, незамедлительно бросалась к оставшимся в одиночестве мужчинам, чтобы выпить с ними на брудершафт с руками крендельком и поцелуем в губы. Мелочь находила эту Гертрудину привычку побочным явлением от лекарств и с сожалением покачивала головой, приговаривая: «Большая она, совсем большая». Потом Гертруда торопилась к своему столу в боязни столкнуться с какой-нибудь возвращающейся женой. За своим столом, отдышавшись, с растяну-

тыми подробностями она описывала Крохе, как тот был хорош и нежен и как другой был трепетен и боязлив. Мелочь не могла взять в толк, когда подруга успевала собрать такую инфу, подумывала о квантовых способностях Гертруды на сексуальной почве.

Ларош Пуко

Однажды Мелочь стояла в очереди на отдачу каких-то деловых бумаг в каком-то ведомстве на Дровяном переулке. Точнее сказать это не сама очередь, а предпочередь, потому что все в том ведомстве обедали. Перед Крохой стояли три похожих друг на друга женщины и вели разговор между собой. Мелочь своим знаменитым жестом как бы нечаянно отодвинула прелесть своих волос и услышала разговор примерно с середины. Вы, конечно, скажете, что можно понять из разговора незнакомых людей, да еще не с начала его, а с середины, плюс/минус 2 слова – да ничего, но у Крохи было обратнопоступательное чувство воображения. По простому это выглядит примерно так. Вы пишете какое-то слово или даже его половину и отдаете это Мелочи, которая не только заканчивает ваше слово, но и приставляет спереди и позади другие слова, из которых получается именно то, что вы имели в виду. Этот замечательный феномен и называется теперь в прикладной парапсихологии термином «обратнопоступательное чувство воображения». И все благодаря Крохе.

Все это началось очень давно, когда сама мелочь была еще и сама очень мелкой и носила не длинные волосы без ничего, а голубой шелковый бант на голове на середине ничего. Старшая Крохина сестра рассказала ей считалочку, которая звучала так: раз, два, три, четыре, делим, делим на че-

тыре, умножаем на четыре, получается четыре. У Мелочи от такой считалки произошло что-то разрывное в белокурой головушке, и даже бант сам по себе развязался. Она могла брать любую цифру, приставлять к ней любые знаки и другие цифры с обеих сторон, потом ставить знак “получается” и писать правильный ответ. Папаня очень загордился своей Мелочью и хотел взять ее к себе на завод – помогать производству, но маманя сказала, что завод от нее никуда не убежит, а сначала надо отвести ее к детскому доктору, чтобы тот определил, чем ребенок хворает. Детский доктор, естественно, ничего определить не смог, потому что у него из медицинского оборудования были только плоские палочки для осмотра горла от скарлатины или какой-нибудь там ангины и градусник с невидимой никому кроме него ртутью. Еще у него был маленький резиновый молоточек, но им он ничего не забивал, а так просто махал им в воздухе перед глазами, а потом с размаху лупил по коленям. Доктор и в тот раз выполнил свой долг и использовал все подсобное оборудование на Крохе, но диагноз так и не определил. Зато он дал мамане направление к взрослому доктору, чтобы тот попробовал разобраться, что собственно неправильно с Крохой.

Взрослый доктор был оснащен намного лучше – у него на голове было зеркало с лампочкой для заглядывания в ушные и другие полости, много блестящих трубочек, похожих на свистки, кипящие в кастрюле шприцы на всякий случай и буквы на стене разных размеров. Взрослый доктор, впрочем,

был много умнее детского: он для начала, чтобы не спугнуть никого, решил позадавать вопросы. Но вовсе не Крохе, а мамане. Интересовался, кто из ее родственников, чем болел в детском возрасте, особенно налегал на дедушку. Маманя не знала об этом много и ничего конкретного не отвечала, но доктор писал об этом быстро и много. Потом он перешел к вопросам о папане. И здесь ему утешительного ничего не сказали. И только после этого он обратился к Крохе и почему-то на «вы». Мелочь была в недоумении с его этим дурацким «вы» – она крутила головой, пытаясь понять, к кому еще кроме нее он обращается. Но никого в кабинете больше не было, кроме мамани, которая стояла у окна с платочком в руке и тихонько всхлипывала. Кроха поняла в конце концов, что отвечать придется ей одной, ведь кроме нее никого и не было, и отвечала обо всем что знала и чего не знала. Напоследок прочитала все цифры на дверях во всех рядах и сказала, что им пора домой – у нее медведи с утра не кормлены – могут кукол переест. Уколов Мелочи делать в тот раз не стали, просто прописали рыбий жир и прогулки. Мелочь и так это все принимала. Мамане доктор сказал, что это возрастная аномалия, которая может пройти после полового созревания. Мамане от таких прогнозов стало и вовсе плохо, и она допила все, что там еще оставалось в графине.

А Мелочь себе росла, как и все остальные. Была очень задумчивой на уроках. Ей писали в дневник, что она отвлекается. Она, конечно, отвлекалась по полной программе не ху-

же других. Только разница была в том, что когда учительница ее спрашивала, что она только что сказала, Мелочь ей говорила не только, что та сказала, но и то, чего еще не успела сказать. Учительницам это не слишком нравилось, и они ей писали замечания. Мелочь тогда была абсолютно уверена, что у них тоже есть аномалия на почве полового созревания, просто была не готова им это сказать.

Так она доучилась до старших классов. Свою аномалию она использовала во всех точных науках, хотя математики не понимала и не любила. По всем предметам благодаря болезни у нее были только пятерки, так что пришлось им ей выдать золотую медаль.

Потом началась учеба в других местах. На третьем курсе какой-то маленький профессор прочитал ее курсовую работу и предложил ей заниматься теорией доисторических искусств – так гладко у нее все было расписано, что если бы те доисторические люди были живы, то могли бы сами и подтвердить.

Позже, на высших сценаристских курсах, Мелочь продолжала отличаться благодаря этому своему дару – она писала замечательные сценарии, то очень близкие к жизненным ситуациям, то совершенно замысловатые, но абсолютно фантастические, хотя и логически законченные. Ей это помогло и в высшей Академии по криминалистике – она описывала преступления как уже совершенные, так и те, которые были только на уме у криминальных элементов, с предельной до-

стоверностью.

Метод скоростного чтения – звезда – тоже был побочным продуктом этого феномена.

Теперь вернемся к разговору трех похожих женщин – Мелочь поняла, что женщины эти принесли какие-то отчетные документы от своей организации. Она спросила одну из них, не представляют ли они какой-нибудь семейный бизнес. На что одна из них сказала, что действительно так это можно сказать, потому что они родственницы и работают при музее-квартире малоизвестного французского поэта-революционера Лабланка Лароша-Пуко, который был родоначальником их петербургской ветви, и что один из особняков на Мойке когда-то принадлежал Лабланку. К концу его жизни во всех квартирах этого дома жили его бывшие жены с детьми от него. После его смерти его квартира была превращена в музей. Позже было организовано общество ларош-пукистов – они работали в музее в различных качествах.

Но вот в последнее время музей был обложен большими налогами, как и всякое другое коммерческое предприятие. Однако денег, вырученных за продажу входных билетов, не хватало на все расходы, их грозились расформировать, дом расселить, а саму квартиру продать с торгов. Мелочь подумала, что было бы совсем неплохо, стать хозяйкой музея-квартиры, жить в ней и устраивать там литературные среды. Она сказала тем женщинам, что очень давно мечтала познако-

миться хоть с кем-нибудь из этой замечательной семьи, потому что ее бабушка была когда-то близко знакома с уже пожилым Лабланком. Женщины не были ни капли удивлены этим заявлением – Ларош-Пуко был откровенным сердцедом до самого последнего дня своей жизни. Они пригласили Кроху на очередное заседание общества и обещали ей рассмотреть возможность ее вступления в него.

Через неделю Мелочь уже представляла петицию в какую-то городскую культурную подкомиссию о временной отсрочке платежей. Петиция была одобрена, платежи временно отсрочены, а Кроха въехала в музей-квартиру для постоянного жительства. Мелочь понимала, что если ничего не предпринимать, то раньше или позже платить все равно придется, поэтому она провела коренные изменения в ведении музейного бизнеса. Через общества любителей старины различных городов Европы она взаимнообразно получила различного рода реликвии и разместила их в музее – квартире как бывшее имущество Лароша-Пуко. Под каждой из реликвий висела табличка с объяснениями. Входные билеты теперь стоили значительно дороже и продавались только на конвертируемую валюту. Благодаря расклеенным объявлениям в туалетах многих пятизвездных отелей города, иностранные туристы просто повалили в музей – все хотели видеть клавикорды, на которых неистовый Лист сочинил свою вторую рапсодию или бюро, на котором мужеподобная Жорж Санд писала письма Ф. Шопену.

Кроха принимала гостей музея очень неформально – одетая по-домашнему она приносила чай и кексы с изюмом и орешками в центральную гостиную и рассказывала всем желающим воспоминания ее бабушки о жизни с Лабланком.

Так продолжалось какое-то время. Музей-квартира прочно встал на ноги. Общество ларош-пукистов избрало ее коммерческим директором, и со многими из них она завязала настоящую дружбу.

Однако Мелочь не могла и не любила останавливаться на достигнутом – ей всегда хотелось чего-то большего и непременно нового. Оставив за собой право, пользоваться квартирой как частное лицо, она начала заниматься другими проектами.

По вечерам после закрытия музея с набережной Мойки можно было увидеть сквозь занавеску окна на 3 этаже силуэт нашей Мелочи, покачивающейся в кресле – качалке, на котором когда-то больной уже Амадеус писал свой реквием.

Герман

Был у Крохи один знакомый. Звали его Герман. Вообще то полное имя у него было Германий в честь химического элемента, который был якобы открыт одним из его дальних родственников. Просто так уж случилось, что когда он родился, его уже ждали 4 старших брата и 3 сестры, и у родителей просто не было под руками никакого другого имени. Не могли же они назвать его Николай II или Павел II.

Этот Герман рос как бы незаметно – все старшие занимали все внимание родителей, а он донашивал одежду, оставшуюся от братьев, и был тихим и задумчивым мальчиком на семейных сборищах. Никаких особых способностей у него не было, наверное, потому что никто толком их в нем не развивал. Была, правда, у него одна черта – он умел подражать своим братьям и сестрам, начиная от голосов и походок, и кончая выражениями их мыслей. Кроха познакомилась с ним как раз в те годы, когда он пробовал себя на этом поприще. Бывало, придет Мелочь к ним домой на блины в четверг. У них в доме так было заведено, что в четверг они пекли и ели целый день только блины. Блины подавались не просто так, а с различными начинками, но Кроха любила только с ежевичным вареньем, жидким шоколадом и овощной икрой. Так вот когда последние блины медленно поедались, и никого за столом уже в помине не было кроме Германа и Мелочи,

Герман показывал ей житейские этюды из жизни братьев и сестер. От этих этюдов Кроха ела еще медленнее. Она вообще-то не очень и торопилась, потому что на Германа смотреть очень любила – он был как настоящий артист, и потом все равно ей надо было перемывать всю посуду. У них в семье был такой порядок, что тот, кто последний из-за стола выходит – тот и всю посуду моет. Может быть, поэтому некоторые братья и сестры вообще к столу приходили не всякий, раз когда еду подавали, а только тогда, когда были голодными до невозможности и были уверены, что сегодня-то они уж обгонят других и мыть не будут.

Мелочь к этому относилась философски, мол я прихожу сюда только раз в неделю – могу покушать блинков всласть, а потом в знак признательности – помыть посуду.

Герман любил приходы Крохи на блины – она всегда была последней за столом да еще его единственным зрителем. Он начинал свои этюды с простого подражания голосам братьев и сестер, как они толкаются, говорят с набитыми ртами и вытирают сальные руки об голову и одежду друг друга. Представление было многоступенчатым – Германий перемещался со стула на стул и делал все как брат или сестра, которые сидели на тех стульях некоторое время до того. Кроха находила эти этюды забавными только первые 3 – 4 месяца, а потом стала углубляться в размышления о их природе и пришла к тайному и ей самой да конца непонятному выводу. Причиной того, что Герман так хорошо подражал своим

братьям и сестрам, было то, что у него была активизирована своя с ними иная, чем на генетическом уровне, но сродни к ней связь: чем ближе родственник был по возрасту к Герману, тем правдивее у него получался этюд.

Иногда на семейных капустниках, когда приглашались не только питерские, но и иногородние члены большого рода, Германий устраивал маленькие спектакли одного актера. Все гости торопились побыстрее, перепробовать голубцы, тушеную капусту с сосисками, щи зеленые, красные, постные и кислые, суп крестьянский, капусту провансаль и пирожки с капустой, чтобы потом в полной мере насладиться германиевым даром задаром. Правила мытья посуды распространялось и на гостей из провинции, так что часто случалось, что какая-то забывчивая бабулька с периферии часами мыла посуду и проклинала городских родственничков за такое дурацкое правило, повторяя себе, что на следующий год она ни за что не поедет на чертов капустник. Но проходил год. Ее память становилась еще хуже, она опять забывала и приезжала и опять мыла посуду. В семье Германа за мойщиками посуды негласно велось наблюдение. Это явление называлось между ними «стремление к горизонту». Когда очередная бабулька не появлялась на семейном капустнике, она «сливалась с горизонтом» – теряла память настолько, что не помнила про капустник или просто умирала до него.

Мелочь спрашивала Германа, почему он не может подражать другим членам семьи или просто другим людям. Он ей

говорил, что не знает как это делать – он не помнит, что и как они говорят и делают секунду спустя.

Когда наступила пора для Германа выбирать себе хоть какой-нибудь институт, чтобы получить высшее образование, выяснилось, что он очень способен в 7 различных отраслях, почти независимых друг от друга. Вы конечно догадались, что это были специальности, которым учились его старшие братья и сестры. Те относились к такому легкому пути их младшего брата с недоверием, ревностью и завистью. Самому Герману все одинаково было легко и безразлично. Он бы, конечно, мог стать и знаменитым дрессировщиком экзотических животных и шофером-дальнобойщиком или сестрой-хозяйкой в любой больнице, но у него не было на это особого желания. Так он и слонялся после окончания школы, ничего не делая, пока ему не принесли известие, что военно-воздушные силы страны нуждаются в его помощи, чтобы противостоять врагу. Как не стыдно это заметить, но служить под знаменами ему вовсе не хотелось, и, однажды, случайно повстречавшись с Мелочью, которая уже набирала обороты по жизни, он рассказал ей о своей печали. Кроха его выслушала, сказала, что ей надо подумать и унеслась, оставив за собой запах приятной мыльной пены. Через день она позвонила ему и предложила встретиться в «кабинах», потому что у нее теперь не было времени мыть посуду за собой, а не то что за всей его семьей. «Кабина» был относительно новый ресторан, устроенный из бывшего чертового ко-

леса, которое по-прежнему медленно поднималось над парком. Только теперь при нем на земле был приличный шведский стол, с которого можно было набрать себе различной еды и есть ее в кабине. Это было отличное место для конфиденциальных разговоров и сразу привлекло к себе внимание различных структур, которые закупали ресторан на несколько часов в определенный день недели. Однако раздел территории и сфер влияния не миновал и «кабины»: несколько лет назад случилась одна знаменитая по кровопролитию разборка – все в «кабинах» в тот раз угорели, и с тех пор силовые структуры «кабинами» больше не пользовались. Зато это было прекрасным местом встреч влюбленных или просто деловых людей. Иногда там устраивались дни рождения детей с бросанием еды на лету.

Германий и Мелочь взяли три подъема, комплексный ленч «дары моря» и медленно поплыли в небеса. Кроха не торопилась со своими идеями так же как и со своими устрицами, сушими и блинчиками с копченым угрем. Только примерно на одной трети подъема она сказала Герману, что хочет показать его в военно-медицинской академии в каком-то закрытом отделе. У нее знакомая там работала медсестрой, пока ее не уволили за махинации с нейротропными препаратами. Однако Кроха к моменту увольнения уже познакомилась и с другими людьми, которые писали тогда диссеры, а теперь уже просто ходят в высоких чинах. Герман не понимал ни слова из сказанного Мелочью, а она продолжала:

«Я потому и собираюсь тебя показывать не в боткинских бараках и не в первом медицинском, а чтобы была связь с армией и флотом. Они посмотрят на твои умственные аномалии. Если им это понравится, то они тебя станут изучать все 24 месяца службы. Будешь приходить как на работу к 9 часам утра и уходить в 5 вечера, если к тому времени сознание вернется. Наверное, придется все волосы сбрить, чтобы датчики присасывались лучше. Может быть, придется сделать местную трепанацию черепа для вживления электродов. Но ты не волнуйся – они пользуются только платиной, никакой аллергии быть не может...» До Германа постепенно стали доходить крохины речи. Было видно, что он расстроился. Мелочь продолжала распинаться, что закосить в наше время армию стоит больших денег, медицинской неполноценности неофициально больше не существует, служат и слепые и глухие и даже те, кто без конечностей, но только в особых частях: там где их недостатки не могут повлиять негативно на мощь русского оружия. Потом она сказала, что договорилась об его предварительной эволюации через неделю, чтобы он был к ней готов. Германий спросил, как ему готовиться, если он даже не представляет, чем он болеет. Мелочь сказала: «Тебе нужно будет показать разговор братьев и сестер, но только серьезно и лучше о высоких материях с голосами и жестами».

Через месяц, примерно, Германий позвонил Крохе и сказал, что, наверное, было бы лучше, если бы он пошел в ар-

мию и маршировал в ногу днем и представлял в местной самодеятельности по вечерам, потому что в лаборатории ему уделяют слишком большое внимание. Что до него у них там ничего не происходило, а теперь он для них как глоток свежего воздуха – двое пишут докторские, трое кандидатские, рвут его на куски буквально – вчера вывернули левую руку, когда тянули в разные стороны. Кроха слушала его рассказ с улыбкой, а в конце сказала, чтобы он еще месяц потерпел, пока они в свои темы углубятся, а потом бы уперся по поводу увеличения зарплаты и выдачи офицерского чина.

Примерно через год Германий встретил Кроху около курортной зоны в Токсово. Он толкал перед собой детскую коляску. Рядом с ним шла не очень молодая женщина и по-хозяйски смотрела на него и коляску. Они остановились, и Германий познакомил их, а потом указал на коляску и сказал, что там спит Игорька. Кроха переспросила: «Игорек?», но Герман недовольно объяснил, что сына зовут Игорь, а первые 2 буквы от фамилии, если уж она не помнит, «ка» – от Кашин. Все вместе и будет Игорька. Мелочи была не знакома такая система называния детей, потому что у нее еще детей не было, но в уме она себе сделала пометки, что нужно будет выбирать мужа с 2 приличными начальными буквами в фамилии, чтобы на ребенке плохо не отразилось.

Немолодая женщина, Саяна, оказалась женой не по любви, а по долгу службы – как продолжение изучения его феномена. Она добровольно согласилась понести от него на благо

науки, но была нефертильной то ли из-за возраста, то ли из-за перенесенных ранее заболеваний. Оказалось, что забеременеть с 9 до 5, то есть в течение нормированного рабочего дня, она не могла. Пришлось пробивать сверхурочные, и после тяжелых и изнурительных 3 месяцев Саяна все же зачала, а Германия пришлось отправлять в санаторий для космонавтов, которых лечат от космической дистрофии после многомесячной вахты в пространстве.

Германий рассказал Крохе, что очень скоро заканчивается его служба в армии. Ему предложили остаться служить сверхсрочно, но он пока не решил, что будет делать. Деньги платили неплохие, но быть под наблюдением ему вообще-то надоело.

Кроха посоветовала ему обратиться в театральное-концертное управление и предложить свои услуги в жанре «театр одного актера». Если у него есть желание попробовать себя на этом поприще, то она бы могла кое-кому замолвить слово. Германий с недоверием посмотрел на Мелочь, потом на немолодую жену и на коляску со спящим Игорка, и сказал, что он подумает.

Позже в машине Мелочь вспоминала блинные четверги и ежегодные капустники в доме Кашиных – ежевичного варенья как у них она больше нигде не пробовала.

Георгий

Иногда Кроха ходила на стадионы и спортивные арены. Не то чтобы она увлекалась такого рода зрелищами, а просто случалось, что мужчина, с которым Мелочь пыталась поддерживать отношения или даже больше, был болельщиком. Сначала она думала, что это пустая трата времени, и что уж лучше бы она в это время посидела в библиотеке над очередным проектом или послушала неменяемую Гертруду или, в крайнем случае, почитала заброшенного «Танара из Пеллюсидара» Берроуза, но со временем ее мнение о физических состязаниях людей значительно изменилось. Мелочь обнаружила, что именно наблюдение за своим очередным кандидатом в подобной ситуации и атмосфере позволяло ей делать его оценку как человека без маски более правдивой. Действие происходило непосредственно во время матчей и встреч и помогло Мелочи прервать многие свои знакомства на достаточно ранней стадии отношений, чем сэкономило ей уйму времени и душевных сил. Кроха так наловчилась делать это, что иногда к концу первого периода хоккейного матча резко вспоминала, что не выключила дома утюг и, извинившись, уносилась со стадиона.

Классификация начиналась прямо со знакомства: если к примеру человек представлялся ей неполным именем, а как-нибудь так, как его величали до 6 лет в семье или приятели

во дворе, типа – Жорка, Славуня, Толян или Мишук – Мелочь не только могла сказать, что он болельщик, но иногда уточнить за какой спорт он болеет и даже за какую команду. Все это у нее складывалось в голове в какие-то мало кому понятные алгоритмы, и классификация прогрессировала с каждым новым кандидатом. Мы думаем, что феномен обратнопоступательного озарения играл здесь не последнюю роль.

Сначала все эти болельщики совсем ей не нравились независимо от других их положительных качеств – она мела всех одной метлой, пока один из них не достал по ошибке вместо билетов на футбол билеты в филармонию, куда они должны были пойти через пару дней после футбола. Именно этот случай заставил Кроху не рубить с плеча по может быть невинным головам. Впоследствии оказалось, что некоторые из них могли вполне составить Мелочи компанию на более продолжительный срок, чем спортивный сезон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.